

Произведения Юрия Слепухина
в серии
«Русская литература. Большие книги»

ПЕРЕКРЕСТОК
ТЬМА В ПОЛДЕНЬ
СЛАДОСТНО И ПОЧЕТНО
НИЧЕГО КРОМЕ НАДЕЖДЫ

Юрий Слепухин

СЛАДОСТНО
И ПОЧЕТНО
♦
НИЧЕГО
КРОМЕ НАДЕЖДЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С 47

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Слепухин Ю.

С 47 Сладостно и почетно. Ничего кроме надежды : романы / Юрий Слепухин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 960 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-31355-2

Романы «Сладостно и почетно» и «Ничего кроме надежды» завершают масштабную тетралогия Юрия Слепухина о Второй мировой войне, которую многие называют «Войной и миром» XX столетия. Как и в предыдущих романах («Перекресток» и «Тьма в полдень»), в их основе лежит опыт лично пережитого. Действие в романе «Сладостно и почетно» разворачивается в Германии. В центре повествования — «заговор генералов» 1944 года, покушение на Гитлера и попытка государственного переворота. И хотя война показана почти исключительно глазами немцев, немалую часть сюжета занимает описание судеб «восточных рабочих», насильно вывезенных из СССР. Среди них и героиня «Перекрестка» Людмила Земцева, случайное знакомство которой с одним из заговорщиков — офицером вермахта — перерастает в большое, сильное чувство. В романе «Ничего кроме надежды» рассказывается о последнем этапе войны и крушении Третьего рейха; впервые в советской литературе описывается жизнь «остарбайтеров» (к которым принадлежала и семья Слепухиных) в немецких трудовых лагерях. В романе неожиданным образом сходятся судьбы героев, которых война провела по пути от романтических ожиданий до осознания беспощадной действительности, разрушившей все, кроме надежды.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Ю. Г. Слепухин (наследники), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-31355-2

СЛАДОСТНО
И ПОЧЕТНО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Огневые позиции были оборудованы кое-как, наспех, немцы либо не ждали танкового удара на этом направлении, либо у них просто не оставалось уже ни времени, ни сил рыть орудийные окопы полного профиля, долбить кирками эту на полметра вглубь прокаленную лютым морозом землю; пушка стояла почти открыто, лишь для маскировки обвалованная как попало накиданными комьями грязного снега, она металась в перекрестье прицела, и низко летящий дым то и дело скрывал ее, но потом она снова появлялась в поле зрения — с каждым разом ближе. Вот сейчас... сейчас... Механик-водитель газовал по-славянски, на всю железку, их кидало вверх-вниз, тут под снегом были, видать, в августе еще понарытые окопчики, стрелковые ячейки, а может, и просто воронки — небольшие, от снарядов...

С двухсот примерно метров — уже были хорошо различимы у орудия фигурки в серо-зеленом — лейтенант наконец выстрелил, ударил осколочным, и хорошо ударил: пушка завалилась набок и серо-зеленых не стало. А потом гроыхнуло под броневым днищем, заскрежетало железо, с хрустом разламываясь и сминаясь, танк со всего размаха ухнул куда-то вниз — но тут же выровнялся, попер дальше, утробно взревев двигателем на перегазовке.

Здесь дым был еще чернее и гуще: видно, загорелись аэродромные склады ГСМ; лейтенант припал к обрешеченному окуляру перископа, ничего не увидел и обеими руками толкнул вверх тяжелую броневую крышку командирского люка. По пояс высунувшись из башни, он сначала глянул налево, инстинктивно отворачивая лицо от косо секущего снега вперемешку с чадной масляной копотью (ну, точно, накрылись у фрицев горюче-смазочные); «сто шестая» обогнала их чуть не впритирку, лихо ныряя и раскачивая стволом пушки, и из-за сдвоенного рева обеих ма-

шин он не сразу услышал другой звук, менее привычный уху танкиста.

Звук сносило ветром, но он нарастал стремительно, словно разбухая. Лейтенант только успел повернуть голову, как прямо по курсу и наперерез выбежал из дыма большой трехмоторный самолет — он был совсем близко или показался ближе, чем в действительности, и не летел, а именно бежал — в снежной пыли от винтов, уже оторвав от земли хвостовой костыль. Это был транспортный «юнкерс» с неуклюжим коробчатым фюзеляжем, похожим на вагон, весь в больших буквах и цифрах, а посерединке — огромный черный крест, окантованный белыми углами. Самолет мог, конечно, и только что приземлиться, но вряд ли: даже при такой видимости летчики не могли бы не увидеть сверху, что тут творится. Следовательно, «юнкерс» шел на взлет.

Все это лейтенант сообразил в долю секунды, соскальзывая на свое сиденье. Уже схватившись за маховичок поворота башни, он крикнул вниз, в чадную грохочущую темень боевого отсека:

— Правее, правее забирай! — И для пушек верности привычно пнул водителя в соответствующее направлению маневра плечо.

Машина крутнулась, резко тормознув правой гусеницей. Лейтенант, в азарте прикусив губу, яростно вертел маховичок ручного привода, ведя стволом длинной восьмидесятипятимиллиметровой вслед за удаляющимся уже самолетом.

— Термитный! — крикнул он заряжающему, прижавшись к налобнику прицела, и взял еще чуть правее, делая поправку на упреждение. Уже нажимая педаль спуска, он каким-то шестым чувством предугадал ошибку, промах; казенник пушки отлетел назад с чудовищным грохотом (люк так и оставался незакрытым) и снова пошел вперед — уже плавно, бесшумно; лягнула вывалившаяся в мешок гильза, едко завоняло сторовевшим пироксилином. Лейтенант, горестно матюгнувшись, выглянул из люка и успел еще увидеть исчезающую в буране огромную крылатую тень.

Носилки Эриха Дорнбергера стояли на полу у самой переборки. Гофрированный дюраль гудел и резонировал, как огромная мембрана, а иногда что-то начинало звенеть тонко, по-комариному — непонятным образом все это было слышно даже сквозь рев моторов. Наверное, разболтавшаяся заклепка; удивительно, что

эти старые колымаги еще летают. Дюраль был покрыт инеем, тонким слоем чистого и нежного снега, непорочная его белизна казалась здесь чем-то кощунственным, не укладывалась в сознании. В кабине пахло металлом и бензином, но еще сильнее был этот страшный запах, к которому он так и не смог привыкнуть там, внизу, — запах гниющих ран в неделями не менявшихся повязках, запах больного немытого человеческого тела. Запах не просто войны — запах проигранной войны, запах катастрофы, распада, гибели...

Итак, мы все же летим, сказал он себе с тем же отрешенным безразличием, с каким только что думал об ослабшей в своем гнезде заклепке, о живучести и выносливости старых Ю-52. Значит, этому все же удалось взлететь, произошло чудо — ненужное, непрошеное. По крайней мере, для него. Он не ждал и не надеялся. Ему лучше было бы умереть там, внизу, и гораздо раньше — в августе, в сентябре; блаженны умершие вовремя.

Данте был, в сущности, человеком без фантазии, сейчас это совершенно очевидно, даже если учитывать поправку на семьсот лет так называемого «прогресса». Капитан Дорнбергер закрыл глаза и снова увидел заснеженные развалины станции и жалких лачуг, бывших когда-то поселком Гумрак, длинные ряды примерзших к рельсам товарных вагонов, набитых ранеными, больными, обмороженными и сошедшими с ума, штабели трупов, которые уже не успевали хоронить, переполненные ампутированными конечностями выгребные ямы; «юнкерс» резко качнуло, но он снова выпрямился и продолжал лететь, монотонно подвывая перегруженными моторами. Неужели так и не собьют? — подумал капитан.

Судя по времени, они уже должны были быть у западной оконечности «воздушного моста», по которому еще осуществлялась транспортная связь с районом окружения. Самолеты садились на ближайших прифронтовых аэродромах, выгружали раненых и сразу же, едва успев заправиться и погрузить продовольствие и боеприпасы для 6-й армии, вылетали обратно. С каждым днем самолетов оставалось все меньше, а летать приходилось дальше и дальше — сначала с Котельнического и Чернышковского аэродромов, потом из Зимовников, из Тацинской, из Миллерова...

Капитан пошевелился, пытаясь выпростать руку, чтобы посмотреть на часы; но сил не хватило, санитары при погрузке слишком плотно укутали его поверх шинели каким-то обрывком бре-

зента. Сердце затрепыхалось, он почувствовал, как на лбу выступает холодная испарина, стало подташнивать. Вдобавок попытка шевельнуться разбередила раненую ногу — та ожила, стала опять наливаться тупой пульсирующей болью. Проклятое полено, подумал он, стискивая зубы, хоть бы его поскорее откромсали... Скажем прямо, остаться инвалидом в данной ситуации — не худший из вариантов. Непонятно только, зачем и кому понадобилось эвакуировать его из «котла» — какого-то вшивого армейского капитана, командира (бывшего) саперной роты (давно уже не существующей). Высшие чины, сплошь и рядом, безуспешно ждали эвакуации — начиная уже с конца ноября на этот счет были введены строжайшие правила. Несколько дней назад какой-то рехнувшийся полковник из штаба 11-го армейского корпуса ухитрился спрятаться на улетавшем самолете; его, естественно, расстреляли на месте, едва самолет приземлился и незадачливый заяц был обнаружен. Командир корпуса, правда, требовал по радио, чтобы для расстрела его вернули в расположение части — дабы другим было неповадно; но это сочли излишним, доставка в «котел» каждого килограмма груза обходилась слишком дорого...

Лежащий рядом заворочался, толкая его носилки, долго кашлял сухим надрывным кашлем, потом выругался хрипло и обессиленно.

— Сколько мы уже летим? — спросил капитан, не поворачивая головы.

— Почти час, — отозвался сосед. — В Шахты, надо полагать. Ближе не осталось ни одного аэродрома.

— Тогда скоро посадка, — сказал Дорнбергер, вспомнив карту. До Шахтинского аэродрома от Гумрака около трехсот километров, час полета.

Но этот час прошел, а потом и другой, а они все еще были в воздухе. Простуженный сосед капитана Дорнбергера тоже выразил недоумение: похоже, что их решили доставить прямо за Днепр, это уж было прямое расточительство — транспортный самолет, один из тех немногих, от безотказной работы которых зависела боеспособность остатков окруженной армии, сейчас без толку сжигал драгоценный бензин над собственной территорией. Кто-то среди эвакуируемых был, вероятно, очень уж важной шишкой, хотя по-настоящему важные смыслы уже давно, еще в конце ноября.

«Юнкерс» пошел на снижение в четырнадцать с минутами. Он еще катился, раскачиваясь и подпрыгивая на неровностях посадочной полосы, когда из двери пилотской кабины высунулся один из членов экипажа и крикнул, подражая интонациям кондукторов берлинского трамвая:

— Остановка «Запорожье», кому выходить, пожалуйста!

В Гумраке носилки с капитаном Дорнбергером засунули в фюзеляж одними из последних, поэтому здесь при выгрузке он оказался среди первых. Следом вынесли его простуженного соседа — капитан успел увидеть алый лацкан и толстое серебряное плетение генеральского погона. Я был прав, подумал он, и наверняка он здесь не один. Пока военнопленные из команды аэродромного обслуживания несли его к стоящему поодаль госпитальному автобусу, он повернул голову и увидел рядом два штабных лимузина в облупленном зимнем камуфляже — простуженного генерала понесли к одному из них, туда же направился в сопровождении медсестры еще один из прилетевших. Узнав начальника инженерной службы армии полковника Зелле, Дорнбергер еще раз подивился, как это ему — капитану — довелось попасть в число пассажиров столь явного спецрейса.

С погрузкой в автобус задерживались: возможно, там не хватило мест или шла какая-то проверка. Носилки капитана спустили на снег рядом с другими, он с усилием высвободил руку из меховой рукавицы, потрогал снег — мокрый, талый. Здесь было не по-январски тепло, вероятно один-два градуса выше нуля. Над аэродромом уже опускались синеватые сумерки. Дорнбергер посмотрел на часы, было всего три. Он подумал, что в России вообще темнеет удивительно рано, но тут же сообразил — время-то берлинское, без поправки на два часовых пояса. На самом деле, значит, уже пять — что ж, это ближе к истине. Прошли на посадку еще два «юнкерса», почти один за другим. С темнеющего неба легко падала какая-то тончайшая изморось — мелкий дождь или талый снег, было совсем тепло. А там, на востоке, над Гумраком, над Воропоновом, над Городищем, над мертвыми руинами Сталинграда, неподвижно стыл прокаленный двадцатиградусными морозами воздух, и стужа казалась еще страшнее от висящего низко над степным горизонтом алого ледяного солнца. Это лишь в последнюю ночь погода резко изменилась — подул сильный юго-западный ветер, потеплело, пошел снег; утром началась метель,

оказавшаяся для него спасительной. Еще накануне — при хорошей видимости — их самолету не удалось бы ускользнуть. А видимость оставалась отличной весь последний месяц, сотрудники штаба то и дело подходили к барометру, стучали по стеклу, надеясь, что стрелка сдвинется влево хоть на миллиметр, предвещая оттепель; но стрелка стояла как примерзшая, оттепелей не было, природа в таких случаях особенно беспощадна к людям. Капитан вспомнил, как один офицер из группы армий «Север» рассказывал о небывалых прошлогодних морозах под Ленинградом, — страшно представить, во что обошелся этот каприз погоды жителям блокированного города. А теперь пришла наша очередь; мир устроен куда более справедливо, чем принято думать. И это уже не назовешь капризом, здесь скорее усматриваешь жестокую закономерность: сам климат этой оскверненной нами страны вымораживает нас, как русские крестьянки морозят поселившихся в избе тараканов...

На него опять накатила обморочная слабость, вернулось притупившееся было на время чувство мучительного голода, но сознание оставалось удивительно ясным, даже обострилось. Словно выходя из отупения последних недель, капитан Дорнбергер начинал медленно осознать то, во что еще не верилось ни в воздухе, ни там, на земле, когда он впервые узнал, что назначен к эвакуации. Он вдруг поверил, что действительно спасся, вырвался, унес ноги. Там, в «котле», он не хотел этого (отчасти потому, что давно приучил себя не хотеть недостижимого) и ничего не предпринимал для собственного спасения. Хотя предпринимать было практически нечего, некоторые все же пытались. Он — нет. Отнюдь не во имя каких-либо высоких идеалов и даже не потому, что прекрасно отдавал себе отчет в бессмысленности всяких попыток самоспасения. Просто ему давно уже было наплевать. По сути дела, не оставалось ради чего жить. И странно, какой нерассуждающей животной радостью медленно входила сейчас в него несмелая мысль о том, что это еще не все, что ему еще суждено пожить какое-то время — даже под этим равнодушным небом, даже на этой страшной земле... Холодная капля щекотно скатилась по виску, он поднял руку, чтобы обтереть мокрое от талого снега лицо, и понял, что это не снег и не дождь, у него просто текли слезы.

Подошел еще один автобус, раненых стали грузить. Немолодая медсестра с серым от усталости лицом, обходя ряды носилок,

задержалась возле Дорнбергера и, наклонившись, вложила ему в губы какую-то круглую лепешечку.

— Возьмите в рот, — сказала она заученно, — сосите до растворения или медленно разжуйте, это тонизирует...

Он не сразу ощутил вкус, но тут же гортань стиснуло голодной судорогой, он стал жадно сосать, это оказалась шоко-кола.

— ...Спокойно, спокойно, — продолжала сестра усталым голосом, видимо повторяя то, что уже говорила сотне других раненых, — с вами все в порядке, сейчас вы пройдете санитарную обработку и перевязку, получите горячую пищу, на родину вас отправят ближайшим поездом, завтра или послезавтра...

— Скажите, сестра, — с трудом выговорил капитан, — какое сегодня число?

— Сегодня девятнадцатое, — ответила та, уже отходя к следующему, и уточнила, словно не будучи уверенной, что они там, в «котле», сохранили еще способность вести счет месяцев: — Девятнадцатое января тысяча девятьсот сорок третьего года...

Тем временем к уже разгруженному «юнкерсу» подошел фельдфебель аэродромной охраны и спросил командира корабля, лейтенанта Фрелиха. Командир, только что вышедший из кабины, глянул на него вопросительно.

— Господина лейтенанта просят безотлагательно явиться к коменданту аэродрома! — вытянувшись, доложил фельдфебель. — С вашего позволения, я провожу.

— К коменданту, меня? — Фрелих недоуменно пожал плечами и окликнул второго пилота: — Хорст, я схожу узнаю, а ты тут поторопи с заправкой, и пусть Клаус не забудет проверить давление в левой маслomagистрaли. Я быстро!

В помещении комендатуры его встретил штурмфюрер в серо-зеленой полевой форме войск СС.

— Это вы, что ли, здешний комендант? — спросил летчик.

— Комендант вышел, — ответил эсэсовец и добавил негромко, будничным тоном: — Вы арестованы, попрошу сдать оружие.

— Что-что? — Летчик улыбнулся. — Вроде бы еще не первое апреля, а? Так мне коменданта дожидаться здесь, что ли? На черта я ему сдался, не понимаю. Еле на ногах держусь — второй рейс без отдыха, а оттуда сегодня выскочили буквально у ивана из-под гусениц — один уже выехал прямо на взлетную полосу, еще бы минута, и...

— Сдайте оружие, Фрелих, — повторил штурмфюрер.

Только теперь до лейтенанта наконец дошло. Он умолк, словно поперхнувшись, рука его поползла к кобуре — но сзади уже навалились, пригнули, заламывая локти; он стал вырываться, почувствовал на запястьях холодок металла, негромкий отчетливый щелчок. Штурмфюрер, подойдя вплотную, наискось — от правого плеча к поясу — раздернул молнию лётного комбинезона и сорвал с мундира Фрелиха Железный крест.

— Ты, дерьмовая тыловая вошь, — выдавил сквозь зубы лейтенант. — Интересно, чем ты занимался в то время, когда мы воюем десанты на Крит! Крамолу искал у баб под юбками?

— В машину его, — тем же будничным тоном бросил штурмфюрер, направляясь к двери.

Нет, Фрелих действительно ничего не понимал. С кем-нибудь спутали? Фамилия обычная, лейтенантов с такой фамилией наверняка наберется в люфтваффе не одна сотня; вполне возможно, кто-то там чего-то натворил, а прихватили сгоряча его... тем более даже не в районе дислокации эскадрильи, это уж явно показывает, что здесь ошибка. Если бы речь шла о нем, то там бы и взяли, на месте. Ерунда какая-то, думал лейтенант, сидя на заднем сиденье между двух каменно зажавших его плечами гефеповцев¹, лишь бы поскорее на допрос, уж следовательно темнеть не станет...

Так оно и получилось. Фрелиха привезли, тщательно обыскали, отобрали все, что положено отбирать у арестованного, и в одном мундире — уже без ремня и погонов — заперли в одиночке. А через полчаса, не успев он еще и освоиться на новом месте, его вызвали на допрос.

— Вы, конечно, удивлены, — сказал следователь, — и считаете случившееся недоразумением? Верно, Фрелих. Я тоже склонен думать, что это не более чем недоразумение.

— Черт побери! — воскликнул сразу повеселевший лейтенант. — А я и не сомневался ни на минуту!

— Позвольте мне кончить. Я ознакомился с вашим послужным списком, Фрелих, и я не верю, что такой заслуженный боевой офицер может быть предателем или пораженцем. Поэтому то, что вы вели пораженческие разговоры, следует считать...

¹ «Гефепо» — сокр. от «Geheime Feldpolizei» (нем.) — тайная полевая полиция, военное гестапо.

— Пораженческие разговоры? Какие пораженческие разговоры?!

— Не перебивайте, пожалуйста. Здесь полагается слушать молча, а отвечать только на вопросы. И не задавать их! Уяснили?

— Так точно, уяснил.

— Вот и хорошо. Итак, мне хотелось бы верить, что вы вели пораженческую пропаганду не по собственному умыслу, а находясь под чьим-то влиянием. Это вещи разные. Повторить под сказанное, не дав себе труда задуматься над смыслом, — это проступок серьезный, в некоторых случаях даже весьма серьезный, но не более. А вот самому измышлять и распространять пораженческие слухи — это уже совсем другое. Это уже измена, Фрелих, измена и нарушение присяги. Улавливаете разницу?

— Так точно. Но я не совсем...

— Не совсем понимаете, догадываюсь. Хорошо! Как говорится, карты на стол. Неделю назад, то есть двенадцатого января, вы провели вечер в офицерском казино авиабазы — припоминаете?

— Двенадцатого? — Фрелих задумался. — Да, пожалуй... Двенадцатого, если не путаю, день у меня был свободный, без вылетов.

— Прекрасно. А теперь вспомните, о чем говорилось за вашим столом. И что, в частности, говорили вы сами.

— А черт его знает о чем! Знай я, что через неделю мне зададут этот вопрос, то сидел бы и записывал. А так я пил. Обо всем, наверное, говорили.

— Например, о положении в «котле»?

— Да уж наверняка! Если мы летаем туда, то уж, наверное, и обсуждаем то, что там видим, верно?

— Вы говорили, что положение Шестой армии безнадежно, поскольку авиация не в силах ее снабжать?

— Может, и говорил. Не помню уже. Говорил, наверное.

— И после этого вы спрашиваете меня, «какие пораженческие разговоры»?

— Так вы это считаете пораженчеством? Ничего себе! — Фрелих рассмеялся. — О том, что мы не можем обеспечить снабжение, знает любой дурак. Паулюсу требуется как минимум шестьсот тонн продовольствия, горючего и боеприпасов в сутки; это триста самолетовылетов, поскольку больше двух тонн наши тархтелки взять на борт не могут, хоть лопни. А можем мы обес-

печить триста рейсов в сутки? Да на сегодняшний день весь наш Четвертый флот не располагает и сотней исправных машин! И после каждого вылета их остается меньше и меньше — степь вокруг Гумрака усыпана обломками наших «юнкерсов»!

— Так вы, Фрелих, считаете, что эти печальные факты и цифры следует доводить до всеобщего сведения?

— До чьего сведения?! — крикнул лейтенант, теряя терпение. — Мы что, по-вашему, русских об этом информируем? Я говорил со своими товарищами по эскадрилье, которые не хуже меня знают обстановку!

— Не прикидывайтесь наивным младенцем, Фрелих. Есть вещи, о которых можно знать, но о которых нельзя говорить вслух. Тем более в армии. Пораженческая пропаганда, да будет вам известно, — это не только распространение ложных слухов; это в первую очередь использование действительных фактов для подрыва боевого духа нации. Для создания психологического климата неверия в победу, понимаете? Это и есть то, что вам инкриминируется. Скажу откровенно, Фрелих: положение ваше крайне серьезно. И единственное, чем вы можете себе помочь, — это ваша готовность помочь нам, откровенно ответив на все интересующие нас вопросы. А интересует нас вот что: кто из офицеров эскадрильи заводил с вами разговоры на эту тему, поддерживал их или сообщал вам цифровые данные вроде тех, что вы только что сообщили мне? Этот мой вопрос вам ясен?

— Да уж куда яснее! Но только что я могу ответить? — Фрелих непринужденно пожал плечами. — Цифры эти известны каждому, включая нашего аэродромного кобеля, специально «разговоров на эту тему» никто со мной не заводил, а ведут их все.

— Конкретнее, прошу вас. Мне нужны имена.

— Э, вот это нет! У вас, как я понимаю, есть там свои шпики, раз уже успели насвистеть, с кем и о чем я трепался за выпивкой. Вот пусть они и делают свое дело. А я, уважаемый, никаких имен называть не намерен; и не потому, что там что-то тайное, какая, к черту, тайна, если это у всех на языке; но вот, предположим, назвал я кого-то — капитан Шмидт, лейтенант Майер, — а вы потом этих Шмидта, или Майера, или Мюллера возьмете на цугундер, а на допросе скажете — против вас, мол, имеется показание некоего Фрелиха, — как я после этого буду перед ними выглядеть?

Следователь улыбнулся, покачал головой:

— Вот уж о чем я бы на вашем месте не беспокоился. Вы, Фрелих, достаточно плохо выглядите уже сейчас. Вы попали в чертовски скверную историю. Дело в том, что командование с некоторых пор недовольно настроениями личного состава Четвертого воздушного флота — настроениями, скажем прямо, упадническими и пораженческими. Отчасти это может объясняться естественными причинами: ведь именно вашим эскадрильям приходится осуществлять связь с «котлом», и это, вероятно, в конечном счете не может не оказывать известного деморализующего влияния. Но не исключено и влияние вражеской пропаганды. Я буду с вами предельно откровенен, Фрелих. Моему начальству более по душе вторая версия, и поэтому источник этой вражеской пропаганды нам приказано найти и обезвредить, причем найти быстро. Понимаете? Я искренне желаю вам добра, вы молоды — двадцать восемь лет, все еще впереди; не осложняйте же своего положения, помогите нам, и я помогу вам выбраться из этой истории с наименьшим ущербом...

— Это, значит, заложить товарищей вы называете «выбраться с наименьшим ущербом»?

— Послушайте, Фрелих. Вы все-таки, я вижу, до сих пор не поняли главного. Учреждение, в котором вы находитесь, называется военной контрразведкой. Мы работаем в особых условиях, подчас не дающих нам возможность придерживаться обычных норм процессуального права. Вы меня понимаете? Иногда приходится применять методы, которые официально считаются давно вышедшими из употребления. Негласно — но приходится, что же делать. Мне не хотелось бы...

— Да пошли вы к свиньям собачьим с вашими проповедями, — сказал лейтенант. — Закурить есть? У меня ведь отобрали.

Следователь молча положил перед ним сигареты и зажигалку.

— Словом, подумайте, — сказал он, вставая из-за стола. — В вашем распоряжении пятнадцать минут. Если захотите говорить, снимите трубку и попросите вызвать меня.

Он придвинул на край стола телефонный аппарат без диска и вышел. Лейтенант закурил, обвел комнату взглядом — окон не было, потолок низкий, давящий. Да, гнусное помещенье, вот уж влип так влип. А ведь это конец, подумал он, жадно затягиваясь, отсюда уже не выберешься. Глупо, черт. Хотя не все ли равно? Там ведь тоже не сегодня завтра. И так чудо, что еще жив! Летаю-

щих на Ю-52 называют смертниками, вполне заслуженно называют. Тихоходные, практически безоружные, эти машины всегда нуждались в сильном эскорте, а теперь какие же, к черту, истребители... Он выкурил подряд две сигареты, потянулся было за третьей, но дверь отворилась, и вошел давешний штурмфюрер. А с ним еще двое — борцовского вида, в расстегнутых рубашках и черных бриджах.

— А, старые знакомые, — сказал лейтенант. — Опять вошка приползла?

Штурмфюрер сделал знак, один из его подручных подошел к лейтенанту, поднял со стула, взяв за отвороты кителя, и без размаха ударил в лицо. Лейтенант отлетел к стене, чудом удержавшись на ногах; когда в голове прояснилось, он оттолкнулся плечом и сделал шаг вперед, постоял шатаясь, выплюнул наполняющую рот кровь. Левый глаз быстро затекал опухолью и уже почти не видел, он повернул голову, правым зрячим глядя на штурмфюрера.

— Неспортивно, вошка, — прохрипел он, чувствуя, как острые обломки зубов колют язык. — Одного — втроем? Ты бы еще наручники велел надеть, а то вдруг сдачи дам. Кстати, крестик мой где? Надень уж, покрасуйся, самому ведь не заработать!

Штурмфюрер медленно улыбнулся.

— При аресте, Фрелих, вы задали мне один вопрос, — сказал он любезным тоном. — Что-то связанное с Критом, если не ошибаюсь. Не напомните, о чем шла речь?

— Охотно! Я спросил, чем вы все занимаетесь — ты и тебе подобное кошачье дерьмо, — пока солдаты умирают за Великую Германию!

Штурмфюрер понимающе покивал.

— Ну что ж. Не менее охотно я удовлетворю ваше любопытство. — Он обернулся к своим подручным. — Вы слышали, что спросил господин Фрелих? Продемонстрируйте этому герою, в чем состоит наша служба...

Тремя месяцами позже, в конце апреля, Эрих Дорнбергер находился в военном санатории для выздоравливающих в одном из небольших городков Тюрингии. Ногу ему сохранили, хотя восстановить функцию коленного сустава полностью не удалось и ходил он с палкой. Ходить врачи ему предписали как можно боль-

ше, чтобы разработать, как они выражались, поврежденное колено; но хождение, даже с палкой, утомляло его, и отведенное для терренкура время он обычно просиживал где-нибудь вне пределов визуальной досягаемости медперсонала. Апрель в Тюрингии был в этом году сухой и теплый, южные склоны пригорков уже ярко зеленели свежей травой, и можно было, подстелив халат, лежать на земле без риска простуды. Он всегда брал с собой две книги из санаторной библиотеки: «Фауста» и последний, изданный перед самой войной роман Фаллады. Выбор оказался совершенно случайным — Дорнбергер вообще не был любителем изящной словесности. Чтение всегда было для него лишь способом получения информации, и именно плотность информационного потока определяла в его глазах ценность книги или статьи, а следовательно, и удовольствие, которое мог доставить данный материал.

Читать романы он, пожалуй, впервые начал на военной службе — в первый год, во Франции, когда было много свободного времени. В одном из городков на пути к Арроманшу бомбой разворотило стену дома, где помещалась какая-то библиотека; Дорнбергер, тогда еще лейтенант, велел денщику прихватить в мешок дюжину томов — книги валялись по всей улице, перемалываемые обратно в целлюлозу колесами и гусеницами 6-й танковой дивизии. Этой своей военной добычей он и пользовался потом для практики в языке, но без особых результатов и уж, во всяком случае, безо всякого удовольствия. Французским он владел достаточно для того, чтобы читать без словаря статьи в выпусках трудов Коллеж де Франс, и то лишь посвященные одной узкоспециальной области; там был четкий, насыщенный точной терминологией язык, по сути дела международный. Такое, скажем, словосочетание, как «спонтанная эмиссия электронов» — оно понятно любому олуху, будь то соотечественник Гана или Ферми, Жолио-Кюри или Резерфорда. А в романе с трудом одолеваешь страницу за страницей сложнейших запутанных предложений, чтобы в конечном счете узнать, кто с кем переспал. Возможно, его денщик подобрал с тротуара не лучшие образцы французской беллетристики, но, так или иначе, добыча не произвела переворота в эстетических представлениях лейтенанта Дорнбергера. На том же примерно уровне оставались они и теперь, когда он дослужился до капитана.

Поэтому Гёте и Фалладу он, уходя на предписанную прогулку, прихватывал с собой главным образом потому, что два этих томика удобно размещались в карманах халата и могли служить изголовьем. Обычно так они и использовались. Впрочем, финал «Фауста» Дорнбергеру нравился — не самый конец со святыми отшельниками и блаженными младенцами, а та сцена перед дворцом, где слепец упивается стуком лопат, принимая это за начало осуществления своих мелиоративных проектов. А на самом деле это лемуры роют ему могилу.

Вот и сегодня капитан почитал про лемуров, потом еще раз попытался одолеть сцену апофеоза, но опять безуспешно. «Патер серафикус», «патер экстатикус» — нет, его мозг определенно не рассчитан на такой кумулятивный удар мистики.

Литература, подумал он, засовывая книгу под голову, сокровищница человеческого духа! Грош всему этому цена, если одухотворенное человечество со своими фаустами и гамлетами в конечном счете докатилось до двух мировых войн.

Впрочем, пока еще не «в конечном». Пока еще не остановлен часовой механизм, еще исправно постукивает; лучше не заглядывать в будущее, пытаясь предугадать, до каких еще триумфов прогресса успеет он достучаться, пока все это не...

Вчера утром, бреясь, капитан поймал себя на том, что внимательно разглядывает в зеркале свою физиономию: может, с ним и впрямь не все в порядке? Если человек впервые в тридцать пять лет (и пройдя то, что довелось пройти ему хотя бы за последние полгода) начинает замечать несовершенство окружающего мира — тут все же налицо какая-то отсталость.

Многие его сверстники начали испытывать тревогу куда раньше — лет пятнадцать назад, а уж десять-то и подавно. Он считал это пустой тратой умственной энергии. В какой-то степени, вероятно, он и не мог тогда думать иначе; тут ведь все зависит от масштаба восприятия, а мир слишком уж привычно воспринимался им на субатомарном уровне — какие тут могут быть социальные проблемы, какая политика? Он был совершенно уверен, что можно прожить жизнь, не имея ко всему этому ровно никакого отношения.

Интересно, что даже в армии, добровольно и сознательно перечеркнув все, что составляло смысл его жизни до осени тридцать девятого года, Эрих Дорнбергер долго еще не видел и не пони-

мал характера этой войны. Что война вообще занятие варварское и недостойное цивилизованного человека, это он понимал; понимал и то, что мир был бы намного лучше, научись люди решать свои проблемы без применения оружия. Но мало ли чего нам хотелось бы! Оперировать следует реальными данностями: тем, что есть, а не тем, что могло бы быть. К тому же вопрос о причинах каждой войны всегда настолько запутан, что простому смертному тут и думать нечего разобраться, кто прав и кто виноват. Что говорить, Англия и Франция в свое время тоже вели себя не лучшим образом. Версаль, бесчеловечные репарации, а колониальный вопрос? Предать анафеме кайзеровский империализм, чтобы самим тут же прибрать к рукам германские колонии в Африке, — это, скажем прямо, тоже не очень-то согласовывается с высокими принципами морали...

И потом, надо сказать, лейтенанту Дорнбергеру просто повезло в начале войны. Служил он в инженерных войсках, в боях во Франции не участвовал (да и какие там были бои!), а потом год проскучал на побережье Ла-Манша — днем присматривал за своими саперами, устанавливающими на пляжах минные поля и проволочные заграждения, а по вечерам читал трофейные романы. Осенью сорок первого его часть перебросили в Северную Африку, но и там было примерно то же: мины противотанковые, мины противопехотные, спирали Бруно и прочая ерунда, уже надоевшая ему до смерти. Словом, за два с половиной года в армии понятие «война» для лейтенанта, потом обер-лейтенанта, а потом и капитана Дорнбергера превратилось почти в синоним понятия «скука». А в июле сорок второго он получил очередной приказ, снова забрался в грузовой отсек очередного Ю-52 и — через Крит, Салоники, Бухарест — отбыл на Восточный фронт.

Там — и только там — началось его прозрение.

Все, что он увидел в России, — начиная с того по-африкански знойного и пыльного дня, когда они ожидали переправы через Дон в нескольких километрах выше Ростова, а пикировщики Рихтхофена громили горящий город, накануне оставленный советскими войсками, и кончая последней ночью в промерзшем до космического холода, едва освещенном коптящими площадками подвале на станции Гумрак, где живых было уже не отличить от мертвых, а здоровых — от умирающих, — все, что он видел и пережил за эти шесть месяцев, не просто открыло ему глаза, оно вы-

ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ СЛЕПУХИН
СЛАДОСТНО И ПОЧЕТНО
•
НИЧЕГО КРОМЕ НАДЕЖДЫ

Ответственный редактор Оксана Прилежаева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Юлия Теплова, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.12.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 58,8. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-48596-81-R